

Современные проблемы Церкви: католический и православный взгляд

Симонов В. В. (архимандрит Филипп), Бремер Т.

Современные процессы, экономические, политические, социальные, происходящие в мире затрагивают Церковь, как институт, и верующих разных конфессий. Взгляд на эти проблемы с независимых точек зрения православия и католичества является интересным и познавательным, указывая на схожесть в одних вопросах и существенное различие — в других.

Ключевые слова: глобальный системный кризис, институциональные Церкви, пандемия коронавируса, Церковь и государство, история Церкви.

Отношения и деятельность: не оказывают влияния на представленный материал.

Благодарности. Авторы выражают благодарность Бузыкиной И. Н. за помощь в переводе.

Симонов Вениамин Владимирович*, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, заведующий кафедрой истории Церкви исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; IRID 2748075, ResearcherID: O-5381-2015.

Томас Бремер, доктор богословия, профессор восточно-церковных исследований и экуменического богословия в Институте экуменизма и исследования мира (Institut für Ökumenik und Friedensforschung), Вестфальский Университет имени Вильгельма, Мюнстер, ФРГ, ORCID: 0000-0001-8855-2149.

*Автор, ответственный за переписку (Corresponding author): vs070458@gmail.com

Поступила 01.09.2020

Принята к публикации 11.09.2020

Для цитирования: Симонов В. В., Бремер Т. Современные проблемы Церкви: католический и православный взгляд. *Российский журнал истории Церкви*. 2020;1(3):5-19. doi:10.15829/2686-973X-2020-3-40

Current issues of the Church: Catholic and Orthodox view

Veniamin V. Simonov, Thomas Bremer

Modern processes — economic, political, and social, taking place in the world affect the Church as an institution and believers of different confessions. Looking at these problems from the independent points of view of Orthodoxy and Catholicism is interesting and informative, pointing out the similarity in some issues and the important difference in others.

Key words: global system crisis, institutional Churches, coronavirus pandemic, Church and State, Church history.

Relationships and Activities: none.

Acknowledgements. Authors are grateful for Irina N. Buzykina for help with translation.

Veniamin V. Simonov*, Dr. Sc. (Econ.), Professor, honored economist of the Russian Federation, head of the Department of Church history, faculty of history, Lomonosov Moscow state University; IRID 2748075, ResearcherID: O-5381-2015.

Thomas Bremer, Dr.theol., Professor of Ecumenical Theology, Eastern Churches Studies and Peace Studies, Ökumenisches Institut, Abt. II: Ökumene, Ostkirchenkunde und Friedensforschung, Katholisch-Theologische Fakultät, Westfälische Wilhelms-Universität Münster: Münster, Nordrhein-Westfalen, Germany, ORCID: 0000-0001-8855-2149.

*Corresponding author: vs070458@gmail.com

Received: 01.09.2020

Accepted: 11.09.2020

For citation: Veniamin V. Simonov, Thomas Bremer. Current issues of the Church: Catholic and Orthodox view. *Russian Journal of Church History*. 2020;1(3):5-19. doi:10.15829/2686-973X-2020-3-40

Современные процессы, экономические, политические, социальные, происходящие в мире затрагивают Церковь, как институт, и верующих разных конфессий. Развитие исторического процесса в условиях мирового кризиса, определение роли Церкви в социальной жизни, церковная самоидентификация, глобализм, разделение автокефальных Церквей, сохранение традиции, пандемия и противоэпидемические меры, предпринятые государством и религиозными институтами — все эти жизненные вопросы волнуют и церковный клир, и мирян. Взгляд на эти проблемы с независимых точек зрения православия и католичества является интересным и познавательным, указывая на схожесть в одних вопросах и радикальное различие — в других.

На вопросы главного редактора “Российского журнала истории Церкви” архимандрита Филиппа (Симонова) (А. Ф. — Прим. ред.) отвечает член редакционного совета нашего журнала профессор Мюнстерского университета, доктор богословия Томас Бремер (Т. Б. — Прим. ред.).

А.Ф.: Нынешнему поколению как-то по-особенному повезло. Трудно даже сказать: везение это или специфическое испытание. Как бы то ни было, меня преследует острое, почти тактильное ощущение исторического процесса — на наших глазах создается история. История нового типа экономики: прежняя модель все более показывает свою неэффективность — настолько, что об этом заговорили не только ученые, но и журналисты. История нового общества, формируемого секулярной глобализацией. История Церкви, чаще всего представляемой (особенно в средствах массовой информации) в виде то ли отвечающей на вызовы глобальных процессов, то ли старающейся сохранить свою двойственную трансцендентно-материальную сущность.

Буквально на днях я прочитал где-то интересную мысль, связанную с современным положением Церкви в обществе: *“Our position is more like that of the Christians under the Roman Empire when the Church had on the one hand to convert the pagan masses, and at the same time to defend its bare right to exist against an all-powerful world state which recognized no limits to its authority”*¹.

¹ “Наше положение очень схоже с тем, в каком христиане находились во времена Римской империи, когда Церковь, с одной стороны, должна была обратить массы язычников и, в то же время, защищать свое базовое право на существование в противостоянии всемогущему мировому государству, которое не признавало никаких ограничений своей власти” (англ.). — Прим. ред.

В этой связи позволю себе процитировать давние, но очень актуальные для современной церковной жизни слова Мартина Торнтона: *“So without arrogance but with faith, hope and love, the Church seeks to speak ascetically to the modern world, but it speaks from what the politicians call a position of strength. It is not ‘how can the Church survive in the modern world?’ but ‘how can the Church harness the particular needs, qualities, thought-forms and aspirations of the modern mind to prayer and the purposes of God?’”*².

Как Вы думаете: насколько современное состояние земной Церкви, как вероисповедного и организационного единства клира и мирян, свидетельствует о ее готовности выйти за пределы той весьма сателлитной роли, которую отводит Церкви в современной социальной жизни секулярный глобализм?

Т.Б.³: Если мыслить исторически, представляется не столь уж очевидным, что современное поколение находится в каком-то особом положении — будь то привилегированном или опасном. Вернее было бы сказать — у каждого поколения своя особая ситуация: на глазах любого поколения создается история. Мы с Вами почти ровесники и в молодости застали биполярный мир. Для меня в Западной Германии Москва была почти так же недостижима, как для Вас — Мюнхен. Мы осознанно наблюдали развязку этой ситуации и различные исторические этапы, прошедшие с тех пор. Поколение наших родителей в юности пережило войну, в которой воевали наши деды, а их родители, в свою очередь, были свидетелями Первой Мировой войны и революции. Наши дети, наши студенты не могут себе представить, каково было жить в 1970-е и 1980-е годы. Таким образом, я хочу сказать: история всегда *есть*, она происходит на глазах людей, которые — здесь и сейчас, и в этой истории всегда есть преемственность и перемены постепенности.

Это также относится к истории Церкви. Мы оба можем служить тому наглядным примером.

Я вырос в то время, когда религия (в моем случае, Католическая церковь) была совершенно органичной частью жизни. В мои первые школьные годы в Баварии, где я жил и воспитывался, школы еще были поделены по конфессиональному признаку, и я посещал (государственную) “школу католического вероисповедания”, как это называлось. Но сейчас даже в тех областях Германии, где преобладает католическое (или евангелическое) население, такой практики нет. Естественно, и религия, и церковь продолжают играть определенную роль, в том числе и в системе образования, но это уже не что-то самоочевидное, а скорее некая особенность.

Вы выросли в стране, где атеизм и безбожие были государственной идеологией, религия не была чем-то естественным. И это тоже изменилось —

² “Так — без высокомерия, но с верой, надеждой и любовью Церковь стремится говорить с современным миром аскетически, но она говорит с позиции, которую политики называют позицией силы. Вопрос не в том, “как Церковь может выжить в современном мире?”, а в том, “как Церковь может использовать особые потребности, качества, мыслеформы и стремления современного разума для молитвы и для реализации целей замысла Божьего?” (Прим. ред.). См.: Thornton, Martin (1965). *The Rock and the River: An Encounter between Traditional Spirituality and Modern Thought*. London: Hodder and Stoughton, 16-17.

³ Пер. с нем. — И. Н. Бузыкина (авторизация — Т. Бремер).

сейчас в России большинство людей заявляет о своей принадлежности к Церкви.

Но в обоих случаях было и есть, помимо изменений, еще и нечто стабильное — то, что непосредственно происходит из “нашей” эпохи и сохраняется до сих пор. Приведенная цитата из Торнтона ясно это показывает: слова, которые Вы цитируете, написаны в 1965 году, но они вполне уместны и сегодня.

Ситуация в Церкви, по моему убеждению, отнюдь не такова, какой она описана в первой приведенной Вами цитате. По-моему, нельзя говорить о существовании “мирового государства”. Даже в наших странах достаточно разные условия, а если взять в расчет другие государства, то различия будут еще значительнее.

Ни в Германии или в России, ни в Европе в целом или в Латинской Америке церкви не должны защищать свое базовое право на существование в противостоянии всеильному мировому государству. Они должны пытаться искать свой *modus vivendi* в современном обществе, соответствующий сложившейся ситуации, — оно (общество) может быть как весьма открытым, так и скорее нейтральным.

Конечно, я знаю, что есть страны, где всё обстоит по-другому. Это обычно не секулярные, но, вернее, идеологизированные режимы, при которых бытие Церкви и христиан осложнено или невозможно, например, коммунистические или исламские государства, как Китай или Саудовская Аравия. Известная опасность налицо также в странах со слабой государственностью — так, во многих областях Африканского континента и даже в Индии государство не в состоянии защищать права и интересы христиан или представителей других религий.

Таким образом, нельзя просто сказать, что Церковь борется за существование, необходимо более точное определение всех обстоятельств.

Христианство — не только крупнейшая мировая религия; оно превосходит количественно даже быстрее, чем население мира. При этом нужно иметь в виду такие серьезные изменения, как расширение христианской активности в сторону глобального Юга, в развивающиеся страны, а также количественный рост христиан-евангеликов и пятидесятников.

Несомненно, Церковь должна в любых исторических обстоятельствах, не исключая и современные, искать пути наиболее эффективного выполнения своей миссии.

Я думаю, самое значительное историческое событие, повлиявшее на нашу жизнь, — это поворот к современной модели бытия общества со всеми его последствиями: автономией субъекта, необходимостью обосновывать любые высказывания и др. В этом никоим образом нет никакой антицерковной направленности, которой можно бы избегать (о которой можно сказать: “мы в этом не участвуем”), — это, вернее, объективно необратимый исторический процесс, который нельзя остановить или повернуть вспять.

Другими словами, современный мир — место, где Господь утвердил Церковь Свою в наше время. Отсюда и задача Церкви — искать пути, которые актуальны в данном месте и в данное время. Она должна обращаться

к людям, живущим в данных условиях, причем таким языком, который был бы именно этим людям понятен. И в этом тоже нет ничего нового: Церковь делала это во все века, по сути, — с момента своего основания, порой лучше, порой хуже, но иного выбора у неё нет.

Мне кажется, что новый аспект, который, как представляется, привнесен (или, скорее, проявлен) новой эпохой, состоит в том, что церкви разных регионов сталкиваются с разными проблемами. Возможно, на нас сильно влияет сама идея “единства” Церкви.

Несомненно, единство святой соборной и апостольской Церкви, о котором говорит Символ веры⁴, совершенно непреложно — но мы слишком часто путали его с единообразием. Сегодня, в век простой и быстрой коммуникации, стало намного заметнее, что этого единообразия никогда не существовало и не может существовать. Нам необходимо заново осмыслить, что мы понимаем под “единством”, освободив наше понимание от исторически обусловленных идей, которые его излишне отягощают.

Очевидно, нужно также задуматься о том, какова цель Церкви. Для чего она существует?

Она должна свидетельствовать о Боге и об искуплении людей в Иисусе Христе и сделать это искупление возможным для людей. Как именно оно может быть реализовано — Тайна Божья.

Тем не менее, большинство людей на Земле — не христиане. Но мы не можем серьезно поверить, что Господь желает гибели подавляющего большинства Своих творений. Решая эту проблему, II Ватиканский собор сформулировал мысль, что Господь “людей, которые не по своей вине не знают Евангелия, путями, которые только Ему ведомы, может привести к вере” (*Ad Gentes* 7), — похожее суждение знакомо и православному богословию.

Это может означать только одно: Церковь должна — то есть ее члены должны свидетельствовать в этом мире о своей вере. А наша вера — это любовь и надежда. И лучший способ проповедовать Евангелие — не печатать брошюры, создавать комиссии или красноречиво проповедовать, а жить по Евангелию, и это евангельское житие заставит других задуматься — в чем основание надежды, которой живут христиане. Это знал уже автор Первого послания апостола Петра, это истинно и сейчас.

А.Ф.: Жизнь сейчас по-новому ставит проблему соотношения секулярного глобализма и церковного универсализма, влияния глобализации на церковную самоидентификацию. Прежде ни одна политико-экономическая система не претендовала на глобальный охват и глобальные полномочия — ни Римская империя (в том числе в варианте Византии и Священной Римской империи германской нации), ни евроазиатские колониальные империи Нового и Новейшего времени. Современный глобализм (в монополярном ли варианте, о кризисе которого заговорили в самое последнее время, или в мультиполярном варианте, который вполне может сформироваться в перспективе) ориентирован на вовлечение человека во всей пол-

⁴ Греч.: Εἰς μίαν, Ἀγίαν, Καθολικὴν καὶ Ἀποστολικὴν Ἐκκλησίαν; лат.: *Et unam, sanctam, catholicam et apostolicam Ecclesiam*. В обоих случаях “единство” выражено числительным (μία; *unus*). — Прим. ред.

ноте его жизни, включая определенные аспекты среды обитания, на что ранее могла претендовать лишь церковная система, ориентированная на универсум во всей его полноте и целостности.

Церковная структура реагирует по-разному. В православии, например, усиливается автокефализм на явной этнофилетической основе — мы наблюдали это на украинском примере и последовавшем московско-константинопольском конфликте, есть определенные указания на возможность аналогичного развития событий в Белоруссии (по крайней мере, о необходимости местной автокефалии мы прочитали у одного из оппозиционных кандидатов в программе преобразований в республике, наряду с форсированной приватизацией и прочим набором неолиберальных реформ), весьма остро стоит эта проблема во взаимоотношениях Белграда с Охридом и Цетинье.

В отличие от мирового православия, универсальный потенциал которого реализуется в истории через евхаристическое общение нескольких Церквей-Сестер с собственным независимым возглавлением, католицизм в силу сложившейся традиции всегда представлял неким монолитом и с вероучительной, и с организационно-канонической точек зрения.

Однако в последнее время мы видим, что позиция, например, американского католического епископата далеко не всегда находится в русле, определяемом Римской курией, немецкий епископат сформулировал идею “*der Synodale Weg*”⁵, к реализации которой официальный Ватикан относится с определенной осторожностью (а некоторые местные епископы, например кёльнский кардинал, сочли ее “протестантизацией католицизма”).

Наконец, оживленную дискуссию, в том числе и за пределами католических кругов, вызывают острые публичные выступления архиепископа Вигано и некоторых других представителей клира и мирян, где (в частности, под предлогом борьбы с модернизмом) ставится подчас под сомнение ортодоксальность папского учения (речь обычно идет об апостольских экзортациях *Amoris Laetitia* и *Querida Amazonia*, абудабийской декларации “Человеческое братство для мира во всем мире и для совместного жительства”, энциклике *Laudato si’* и ряде других документов и отдельных высказываний), подчас противопоставляемого мысли его предшественников, прежде всего — почетного папы Бенедикта XVI.

⁵ *Der Synodale Weg* — “Соборный путь”, дискуссионный формат для структурированных дебатов в Римско-католической церкви в Германии, имеющий определенную организационную структуру. Он призван ответить на вопросы, возникшие осенью 2018 г. после публикации исследования, выполненного в рамках междисциплинарного проекта “MHG-Studie”, о сексуальном насилии над несовершеннолетними со стороны представителей католического клира. Конференция немецких епископов и Центральный комитет немецких католиков совместно несут ответственность за процесс обсуждения, рассчитанный на два года (с 1 декабря 2019 г.). Таким образом, был выбран формат, который не определен каноническим правом, но представляет собой отдельный процесс обсуждения (*sui generis*), в то время как синод потребовал бы одобрения Святейшего престола; кроме того, на синоде или поместном церковном соборе право голоса имели бы только епископы. В Конституции “Соборного пути” определены четыре основные темы для обсуждения: 1) Власть и разделение властей в Церкви — совместное участие и участие в миссии (*Gemeinsame Teilnahme und Teilhabe am Sendungsauftrag*); 2) Священническое бытие сегодня; 3) Женское служение и место в Церкви (*Frauen in Diensten und Ämtern in der Kirche*); 4) Жить в успешных отношениях — жить любовно в сексуальности и партнерстве.

Обманчиво ли это впечатление зарождающегося в глубине водоворота под ровной водной гладью, или для него есть определенные реальные основания?

Т.Б.: Несомненно, такой “водоворот” есть и в Католической церкви — чего я скорее не вижу, это “ровной водной глади”. Примеры, которые Вы привели, наглядно иллюстрируют различие тенденций и направлений. Было бы странно, если бы их не было в церкви, насчитывающей более миллиарда членов.

Однако и здесь я не вижу ничего нового. На протяжении всей истории Католической церкви в ней была региональная специфика, так что различные тенденции в рамках Епископских конференций (с времени их возникновения) не являются чем-то из ряда вон выходящим — приведем в пример концилиаризм или галликанизм.

Несколько недель назад исполнилось сто пятьдесят лет догмату о непогрешимости Папы и его непосредственном юрисдикционном примате (что удивительным образом не вызвало практически никакого общественно интереса). I Ватиканский собор принял оба положения практически единогласно, но только после того как часть епископата (около 20% участников собора) покинула Рим. Это были противники догмата, которые, почитая личность Папы, не хотели выразить свое мнение голосованием “против”. Большинство из них (не все) были представителями Германии и Австро-Венгрии.

Еще пример: Конференция епископов Польши была по многим пунктам (вполне предсказуемо) последовательной сторонницей Папы Иоанна Павла II, а сейчас она относится более критически к папе Франциску.

Причины таких феноменов кроются в локальной обусловленности, но также и в том, что разные папы формулируют разные приоритеты. Но в Католической церкви всегда, как и в настоящее время, имеет место широкое разнообразие позиций.

В этом контексте “Соборный путь” Католической церкви в Германии — попытка обдумать и решить, каким образом Христово учение может и должно реализоваться в конкретных обстоятельствах нашего времени и нашей страны. Этот процесс является косвенным следствием целого ряда внутри-церковных проблем (в особенности массового сексуального насилия в отношении детей), включая недостаток священников в Германии. Его поддерживает и разделяет подавляющее большинство епископата и мирян (которые традиционно играют в Католической церкви в Германии важную роль).

Мне кажется неверным, когда это называют “протестантизацией” Церкви. Евангелическая церковь в Германии очень сильна; как известно, Германия — родина Реформации. И если бы католик стал искать протестантской формы выражения веры, он бы очень легко ее обрел. Но Реформация, конечно, имела определенные оправданные основания, которые и сейчас занимают свое место в дискуссии.

В этом контексте “Соборный путь” можно рассматривать как попытку собрать весь народ Божий, чтобы обдумать, что сейчас нужно Церкви в Германии.

Конечно, православная система автокефальных Церквей, невзирая на нынешний кризис, лучше отражает многообразие региональных особенностей. Однако я согласен с Вами в том, что в самом основании системы автокефалий заложены определенные проблемы. Хотя православие в XIX веке осудило этнофилетизм как ересь, оно все больше строится с тех пор на этнофилетических принципах. Кроме того, большое значение, которое сейчас имеют автокефальные Церкви, с эkleзиологической точки зрения весьма проблемно. В православной (как и в католической) эkleзиологии Церковь — это управляемая одним епископом единица (Поместная Церковь), а вся совокупность этих Церквей образует единую Церковь Христову (Вселенскую Церковь). Промежуточный уровень между ними обосновывается прагматическими причинами, но с позиций богословия объяснить причину такой важности уровня автокефальных Церквей (или в нашем случае, Епископских конференций) довольно сложно.

В этой связи я обратил бы внимание также на то, что в упомянутых Вами примерах важно понимать, что Украина, Беларусь, Северная Македония и Черногория находятся в очень разных условиях. Из этого следует, что простое повторение украинского сценария в других странах вряд ли возможно.

Тем не менее, мне кажется весьма важным поиск православием оптимального способа получения автокефалии. В нынешней ситуации это крайне тяжелая, но необходимая задача.

И, наверное, последнее замечание по этой теме: в принципе, случай Украины мог бы быть прецедентом, который предлагает решение вопроса многообразия в Церкви. Мы еще долго будем наблюдать в Украине наличие двух крупных Православных церквей, причем обе они — каноничны (одна — через Константинополь, другая — через Москву). Едва ли картина изменится в ближайшем будущем. Я часто бывал в Украине и знаю многих людей, в том числе и священников, и епископов обеих Церквей, которые не считают эту ситуацию большой проблемой. Я знаю, что с канонической точки зрения это не так. Но фактически люди ходят в церковь, которая им больше нравится по той или иной причине: из-за качества пения, хорошего священника или проповедей, кто-то предпочитает богослужение на украинском, кто-то на церковнославянском языке, причин множество. Так поступают многие люди и в Москве, и в Белграде или Бухаресте: ходят не в ту церковь, которая ближе к дому, а в ту, которую считают “своей”. То есть, разнообразие личных потребностей верующих удовлетворяется в этих городах в различных приходах.

То же самое мы видим и в Католической церкви. Почему не может быть “разнообразия” канонических Церквей на одной территории, если им удастся поддерживать евхаристическое общение? Кстати, *de facto* такое решение имеет место у нас в православной диаспоре.

Однако вернёмся к Католической церкви. Упомянутое многообразие предполагает, что касательно любой проблемы могут быть разные мнения. Вы упомянули архиепископа Кёльна, который высказывался критически по поводу “Соборного пути”, как и другие епископы, например, Регенсбурга и Пассау. Но ведь есть и другие епископы, которые считают, что дан-

ная инициатива — именно то, в чем сейчас нуждается Католическая церковь. Тем не менее, все они сослужат и принадлежат единой Католической церкви.

Тем не менее, я считаю, что в реальности во всемирной Католической церкви имеет место некое разделение, просто оно не декларируется (оно есть и в Православной Церкви — это проявилось в украинских событиях, за которыми стоит гораздо больше, чем вопрос о юрисдикционной принадлежности Украины). В данном случае я не имею в виду архиепископа Вигано, который очень изолирован и практически не пользуется никакой поддержкой в церковных кругах — это, так сказать, “наш Диомид”. Такого рода протест существует в любой церкви, но не стоит воспринимать его всерьез. Гораздо важнее, что есть также и такие представители высшего клира, которые, можно полагать, едва или вообще не считают друг друга католиками, хотя и не говорят этого вслух. Кардинал Бёрк (который тоже принадлежит к небольшому меньшинству), надо полагать, считает совершенно неверным то, что думает кардинал Каспер, и наоборот. Я не думаю, что кого-то из них неверно интерпретирую, хотя ни с кем из них, естественно, не общался по этому поводу.

Это не открытый, а скрытый раскол. И здесь возникает очень сложный и важный с богословской точки зрения вопрос: как можно на деле гарантировать единство Церкви? Когда человек является католиком (или православным)? Вопрос на самом деле не так банален, как кажется. И неслучайно представители прежде всего консервативного направления в Католической церкви оспаривают право других быть католиками, что не лишено известной иронии: эти люди, которые обычно охотно подчеркивают важность церковного магистериума, сами берут на себя роль магистров, устанавливающих, что считать католическим, а что — нет. На днях я прочел в блоге консервативных католиков сообщение, автор которого писал, что он будет проверять папскую энциклику, которая, вероятно, будет опубликована этой осенью: не противоречит ли она церковному учению. Такие люди считают себя магистериумом, которому надлежит проверять папские тексты. Вполне вероятно даже, что этому можно найти обоснования — но тогда этот подход нужно применить и к писаниям других Пап, и к критике из других направлений.

Конечно, я вижу проблемы в Католической церкви, в Германии и во всем мире. Но такие проблемы были всегда. В целом я настроен оптимистично: Церковь движется во времени по своему пути, и сегодня, как это было всегда, находит ответы на вопросы, которые задает конкретная эпоха. Иногда находить эти ответы бывает трудно и даже болезненно, возможно, это то, с чем мы сталкиваемся и сейчас. Но в этом нет ничего необычного.

А.Ф.: Еще одна немаловажная проблема — внешнее секулярное окружение и сохранение традиции в церковном народе. В нашей практике, на которую оказывает существенное влияние различного рода внешний магизм, мы часто наблюдаем генезис неких новейших “традиций”, явно суеверных и не имеющих под собой никакой церковно-исторической основы. Этими нововведениями часто вытесняются те действительно исто-

рические традиции, которые были общими еще в дни моего детства. Некоторые свидетельства утраты традиции приходят и из католического мира. Лишь пара примеров.

Д-р Тейлор Маршал, например, пишет: *“I am concerned that ‘Sunday Mass obligation’ will become the new ‘no meat on Fridays’: a forgotten pious custom ‘still on the books’ but not mentioned as observed by most Catholics”*⁶. А вот свидетельство известного французского дипломата Жерара Апо: *“24 août. Saint Barthélemy. Fête patronale du village de mes ancêtres dans les Pyrénées. Autrefois, tout le village montait en procession vers une chapelle dans la montagne, dédiée au saint, pour y entendre la messe. Un monde que j’ai connu enfant et qui a disparu en une génération”*⁷.

Как вы полагаете — имеет ли этот процесс место в действительности, насколько его проявления зависят от “образа мира сего” (1 Кор. 7:31) и обратим ли он?

Т.Б.: Как гласит известный афоризм: традиция — это не поклонение пеплу, а передача огня. Вы правы, что очень часто традицией объясняют вещи, не имеющие к христианской вере никакого отношения. Но не только традиции, но и Традиция подвержена изменениям. Мы должны постараться идентифицировать сам смысл (“огонь”) и передавать его. Но часто мы видим, что то, что мы считали Традицией, превратилось в пепел, и следующее поколение не может с ним ничего сделать.

Запрет на мясо в пятницу — тому пример. Уже много лет назад католические епископы Германии объяснили, что пост — это не просто следование неким предписаниям касательно пищевых ограничений, а понимание того, что этот отказ означает. Они предлагали разные возможности воздержания во время поста: когда-то это был отказ от телевизора или автомобиля, теперь к этому можно добавить вещи вроде интернета или смартфона. Многие люди вообще не едят мяса — в этом случае, как понимать рыбу в пятницу? Никак. Но я знаю людей, которые во время Великого поста осознанно отказываются от чего-то, что обычно употребляют в пищу, чем пользуются в быту. Многие не пьют спиртного, не едят сладкого, не пользуются автомобилем или обходятся без других важных для них вещей. В Германии есть христианин-протестант, который уже долгое время Великим постом жертвует десятую часть своего годового дохода на социальные нужды (это несколько десятков тысяч евро), есть и некоторые другие люди, поступающие так же. Этот человек предпочитает анонимность, поэтому его называют “мистер 10%”. Собственно, что я хочу подчеркнуть: отказ должен быть заметным, он должен доставлять реальное неудобство. Что это будет — каждому свое. Для бедной вдовы две лепты “от скудости своей” значили гораздо больше, чем дары богатых “от избытка своего” (Лк. 21:14).

Мне кажется, современное светское общество создает более благоприятные условия для такого осознанного воздержания. В моем детстве были

⁶ “Я убежден, что “обязательная воскресная месса” станет новым “не есть мяса по пятницам”: забытым благочестивым “книжным” обычаем, которого не придерживается большинство католиков”. — Прим. ред.

⁷ “24 августа. Св. Варфоломей. Престольный праздник в деревеньке моих предков в Пиренеях. Когда-то вся деревня восходила процессией в горы к часовне, посвященной святому, чтобы быть там за мессой. Мир моего детства, исчезнувший за одно поколение”. — Прим. ред.

рестораны, где по пятницам вообще не подавали мяса — поститься было очень легко. Сейчас нужен осознанный выбор. В нашем обществе это некое преодоление: например, когда приглашают пообедать, отказаться от пива или вина и пить сок и вместе с тем не изображать великого аскета, как евангельские лицемеры “на углах улиц” (Мф. 6:5).

Кстати, и о воскресной обязанности: католики обязаны посещать мессу по воскресеньям. Не соблюдать эту обязанность — грех. Она была отменена на время коронакризиса (тогда было вообще невозможно пойти на мессу). Но что нам нужно: чтобы люди были на мессе, потому что *должны* прийти — или потому что *хотят*? Мы имеем дело со взрослыми людьми, которые что-то делают не в силу предписания, а в силу внутреннего побуждения. Я считаю, что эта внутренняя мотивация гораздо более убедительна. Сейчас мессу посещает меньше людей, чем раньше, но среди них больше нет тех, кто приходил, потому что “так надо”. Приходят те, кто хочет прийти на службу. Я помню, как нас водили на богослужения всем классом. Тот факт, что этой практики теперь нет, представляется мне скорее правильным, чем чем-то достойным сожаления.

Вопрос для меня — не в необратимости процесса. В истории все процессы необратимы. То, что мы сейчас переживаем, не утрата, а трансформация, то, что в истории Церкви происходило многократно.

А.Ф.: В этой связи представляет интерес проблема литургической традиции, весьма разнообразной в католичестве (в отличие от православия — мы привыкли жить в единой традиции, развивавшейся на одной основе и закреплённой в “Диатаксисах” Филофея Коккина еще в XIV веке).

Насколько, по Вашему мнению, актуальна сейчас — прежде всего, для прихожан, дискуссия о Тридентской латинской мессе и *Novus Ordo*, в том числе — касательно и такой насущной проблемы, как (скажем немного вольно) заполняемость церковных скамей на богослужениях будней и праздников?

Т.Б.: Я бы начал с того, что выразил сомнение касательно содержания Вашего вопроса. Я довольно часто посещаю православные церкви в “православных” странах и в диаспоре и вижу там большое многообразие. Я знаю, что реформы, подобной той, что была в Католической церкви в XX веке, в православии не было и что литургия теоретически у всех одинаковая. Но на деле всё иначе. В сербской церкви, которую я время от времени посещаю здесь в Германии, мужчины и женщины стоят вместе, многие женщины — в брюках, и только пара русских студенток, которые иногда приходят на литургию, надевают платки. Во время причащения духовенства вся община поет песнопения благочестивого содержания на народные напевы, как у католиков. Верующие могут причащаться тогда, когда считают себя готовыми, и никто не спрашивает, когда они исповедовались и исповедовались ли вообще. В некоторых православных церквях в США есть алтарницы. Они одеты в такие же стихари, как мальчики-алтарники, однако в алтарь не входят, но только прислуживают. В Греции в церквях стоят стулья, на которых верующие сидят часть службы, как у католиков. Многие священники сокра-

щают богослужение, в основном последования вечерни или утрени, но что именно опускается в каждом конкретном случае — очень разнится. Кроме того, изменения касаются и литургических текстов, во многих церквях добавляют новые ектеньи, если это требуется, и конечно, реформа Никона тоже оказала влияние на литургию (например, Великий вход⁸).

Реформа, проведенная в Католической церкви, была естественной и необходимой. Она естественна, поскольку предшествующая литургическая форма достигла своих границ. Реформировать богослужение начал уже папа Пий XII задолго до II Ватиканского собора. Важным шагом после-соборного реформирования стали: введение родного языка (дискуссия на сей счет очень важна и в православии!) и изменение чина мессы. Я алтарничал еще при старом обряде и хорошо помню, насколько недостойными были часто службы, либо абсолютно поверхностные (многие священники плохо знали латынь, мы, дети, естественно, тоже, и наши диалоги для знающего были, надо думать, совершенно непонятны), либо формалистичные. Реформа способствовала тому, что теперь люди могут участвовать в мессе более сосредоточенно.

В Церкви всегда были небольшие группы, которые служили латинскую мессу по “Тридентскому” обряду (такие группы есть также вне Церкви⁹). папа Бенедикт XVI сделал эту возможность более доступной¹⁰. Но ее использует очень скромное меньшинство. Такие мессы я тоже временами посещал. Там можно встретить людей всех возрастов, даже целые семьи, но по числу прихожан латинские мессы везде существенно уступают мессам по ординарному обряду. Организация, которая занимается распространением латинского обряда, насчитывает в Германии 163 церкви, где служат мессу по старому обряду, но в нашей стране порядка десяти тысяч католических приходов, у каждого обычно несколько храмов, где каждое воскресенье служат мессу. Интересно также, что в традиционно католических странах, например, в Польше или Хорватии, интерес к латинской мессе практически отсутствует.

Проблема состоит и в том, что многие сторонники старого обряда не учитывают ясно выраженное папой Бенедиктом XVI намерение, чтобы

⁸ Так, Никон ввел трегубую Аллилуйя на Великом входе; изменена практика одновременного поставления на Престол потира и диска (эта практика сохранилась у старообрядцев и зафиксирована в Единоверческом чиновнике 1910 г.) на последовательное (и на сей счет Логгин, протопоп муромский, “разжегся ревностью божественного огня, Никона порицая”, после чего записал: “Во время переноса снял патриарх со главы у архидьякона дискос и поставил на престол с Телом Христовым; а с чашею архимандрит чудовской Ферапонт вне алтаря, при дверях царских стоял. Увы рассечения Тела Христова, пуши жидовского действа!” — См.: Жизнеописания Аввакума и Епифания: Исследование и тексты. М., 1963). — Прим. ред.

⁹ Речь идет о левефвристах. — Прим. ред.

¹⁰ В *motu proprio* от 7 июля 2007 г. *Summorum Pontificum* (об использовании Римской литургии, принятой до реформы 1970 г.) папа Бенедикт XVI (с учетом пастырской заботы папы Иоанна Павла II, выраженной в 1984 г. в специальном индulte *Quattuor Abhinc Annos* и в 1988 г. в *motu proprio Ecclesia Dei*) указал, что дореформенные Миссалы никогда не отменялись, содержащийся в них древний и уважаемый *lex orandi* — тот же, что и после реформы, и не ведет к разделению церковного *lex credendi*, и таким образом они могут использоваться за богослужением наряду с Миссалом папы Павла VI (ст. 1) с определенными особенностями, установленными данным документом (см. Available at: https://www.vatican.va/content/benedict-xvi/en/motu_proprio/documents/hf_ben-xvi_motu-proprio_20070707_summorum-pontificum.html (Accessed at: 15.09.2020)) — Прим. ред.

обе формы латинского обряда влияли друг на друга¹¹. Они считают, явно или неявно, латинскую Тридентскую мессу единственно легитимной или, как минимум, лучшей формой. Конечно, все это очень сложно: речь идет об устаревшей форме, которая не имеет будущего для широкого церковного сообщества. Здесь, как и выше, справедливо утверждение: любая реформа (как реализация исторического процесса) необратима — тем более, такая в целом удачная, как литургическая (которая на деле гораздо шире, нежели просто изменение чина мессы). Миллионы католиков во всем мире достойно совершают этим чином Евхаристию каждое воскресенье.

А.Ф.: И последний вопрос, может быть, сегодня один из самых животрепещущих: Церковь и пандемия. Во всем христианском мире, вне зависимости от конфессиональной принадлежности, противоэпидемические меры, предпринятые государством и религиозными институтами (ограничение и/или прекращение посещения культовых мест), вызвали целый спектр эмоций: от вполне логичного приятия и исполнения до категорического неприятия и неисполнения (даже в апостольской столице).

Многие (обычно они позиционируют себя как “традиционалисты”, встревоженные “модернизмом” своих оппонентов) говорят о “молчаливой апостасии”, предъявляют претензии епископату, якобы оставившему паству на произвол судьбы, развивают в различных видах “теорию заговора” и прочее — вплоть до намеков на “последние дни”. Эта дискуссия затронула и католические, и православные, и епископальные круги.

Как Вам, изнутри, видится ситуация, возникшая в контексте пандемии в Католической церкви?

Т.Б.: Пандемия — это всемирная катастрофа, которая затронула всё человечество. Различие между ней и другими природными бедствиями состоит в том, что вирус невидим. Поэтому для многих людей ограничения общественной жизни, распространявшиеся и на посещение церквей, оказались неприемлемыми. Во время землетрясения, например, когда происходят значительные разрушения, или если регион пострадал от наводнения, всем понятно, почему пойти в церковь невозможно. Если бы коронакризис был бы такого же рода осязаемым бедствием, тогда ограничительные меры не вызывали бы таких возражений.

За дискуссией, о которой Вы упомянули, стоит, конечно, вопрос о взаимоотношениях Церкви и государства. Насколько автономна Церковь (или другая религиозная организация) по отношению к государству? Это весьма сложная проблема с далеко идущими последствиями, и ее невозможно проанализировать в нескольких предложениях. Часто возникает конфликт между гражданскими правами и обязанностями, с одной стороны, и религиозными обязанностями, с другой.

¹¹ См. письмо папы Бенедикта XVI к епископам по поводу публикации *motu proprio* “*Summorum Pontificum*”: “the two Forms of the usage of the Roman Rite can be mutually enriching”. Available at: http://www.vatican.va/content/benedict-xvi/en/letters/2007/documents/hf_ben-xvi_let_20070707_lettera-vescovi.html (Accessed at 15.09.2020).

В результате прогрессирующей секуляризации и роста числа разнотенфессиональных религиозных общин в нашей стране подобные случаи встречаются все чаще.

Когда-то мы со студентами из России обсуждали такой пример: в Германии есть “тихие праздники” — Рождественский сочельник, Великая пятница, День всех святых, когда законом запрещены все публичные мероприятия, не соответствующие характеру дня. Так, в эти праздники не бывает спортивных или танцевальных мероприятий. Но сегодня такие запреты не просто объяснить. Почему, например, нерелигиозный человек, для которого празднуемые события не имеют значения, не должен танцевать в Страстную пятницу (естественно, при условии, что этим он никому не будет мешать)? В чем смысл христианам навязывать всем остальным, как им проводить эти дни? Или: спортивные мероприятия запрещаются, потому что не хотят, чтобы тысячи болельщиков шли на стадион и обратно, с песнями празднуя победу в матче. Но под запрет попадают также и шахматы, где, в отличие от футбола, нет болельщиков. Почему в День всех святых нельзя проводить шахматный турнир?

Приведенные примеры показывают, что по поводу подобного рода проблем взаимоотношений между религией и обществом всякий раз должны достигаться новые договоренности¹².

Ограничения в связи с коронавирусом затронули не только церкви, но всю общественную жизнь, экономику, школы, университеты, транспорт, практически любую сферу бытия. Это были вовсе не специально антицерковные меры, как кто-то подозревает. Когда возобновили работу некоторые учреждения, а храмы открыть еще не разрешили, представители Церквей в Германии обратились с жалобой в правительство. Правительство предложило представителям христианских Церквей, мусульманских и иудейских общин сформулировать, что нужно для того, чтобы организовать в этих условиях публичную религиозную активность, предложенные проекты были обсуждены и реализованы. Гонения, борьба с Церковью выглядят несколько иначе — в таких случаях правительство не интересуется мнением Церкви.

Тем не менее, коронакризис породил новые формы пастырской практики и религиозной жизни. Церковь должна была думать о том, как в сложившейся ситуации дойти до людей — о новых формах благовестия, которые, будем надеяться, можно будет практиковать и после пандемии. В моем приходе священники совершали воскресные Евхаристические богослужения одни — в храме, в обычное время, причем об этом публиковалась информация, чтобы люди могли молиться дома в это же время. На приходском веб-сайте размещались соответствующие тексты из Апостола и Евангелия, молитвы, каждую неделю настоятель говорил проповедь, которая также размещалась в интернете. По будням церковь была открыта. На скамьи нанесли разметку, чтобы можно было сидеть, соблюдая социальную дистанцию. В храме всегда был священник, можно было исповедоваться и причаститься вне мессы. Я сам не раз был в этот период в церкви и видел — прихожане восприняли эти меры вполне адекватно.

¹² “Das sind Beispiele, die zeigen, dass diese Beziehung immer neu ausgehandelt werden muss”.

Многие приходы разработали формы домашнего богослужения и сделали их доступными для прихожан. На Пасху все колокола в Германии, как в католических, так и в протестантских церквях, звонили одновременно в течение четверти часа. Как только возникла возможность, богослужения стали совершать в обычном порядке, при возможности, на открытом воздухе. Тем не менее, многие верующие практиковали также домашнее богослужение и молитвы, которые превышают границы обычного молитвенного правила, но, конечно же, не могут быть заменой мессы.

В католической традиции есть еще понятие «духовного причастия», порядком подзабытое, потому что, как правило, почти все теперь причащаются в церкви. Сейчас о нем снова вспомнили, соответствующее молитвенное последование стало распространяться. Конечно, оно тоже не может быть заменой Евхаристии, но показывает, что появилось много инициатив и возможностей для преодоления тех физических границ, которые воздвиг кризис.

Сейчас в церкви ходить уже можно с соблюдением определённых ограничений (социальная дистанция, запрет общего пения и т.п.). Прихожан стало меньше, чем до кризиса. Но в Германии, надо сказать, и в ресторанах теперь меньше народа, и в магазинах, и в кино, и в обычно многолюдных центрах городов. Многие очень осторожны и боятся заразиться вирусом.

Я твердо уверен, что когда вирус будет под контролем, когда ситуация снова нормализуется после снятия ограничительных мер, число прихожан восстановится и даже, возможно, возрастет — многие люди во время кризиса поняли, что без Церкви им не хватает чего-то существенного.